

Андрей Гвоздянский

Второй центроид

Андрей Гвоздянский
Второй центроид

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гвоздянский А.

Второй центроид / А. Гвоздянский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В новом, полностью рациональном мире победившего прогресса не должно быть ошибок. Однако научный работник Авгий получает паспорт с досадной опечаткой в возрасте, и его жизнь переворачивается. Как воспримут новую реальность коллеги, друзья, родственники? И сможет ли сам Авгий приспособиться к ней?

Содержание

1. Пролог	5
2. Гамак. Сон	6
3. Паспорт. Мороженое	7
4. Аристарх Авалонович. Оформление	9
5. Бабочка. В баре	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

1. Пролог

Уставшая, тощая рука младшего бюрократа всегда повиновалась инструкциям. Пальцы буднично коснулись плоских клавиш, и две скупые цифры проявились на экране. Губы старшего бюрократа издали тихий условно-одобрительный звук. Паспорт-брелок лежал на считывателе в покорном ожидании. Еще одна клавиша слегка прогнулась под гнетом пальцев младшего бюрократа. Считыватель теперь излучал мутно-природный зеленый свет. Цифры постепенно исчезли с экрана. Паспорт-брелок зарядился.

2. Гамак. Сон

Солнце ушло спать. Авгий полулежал в гамаке и сканировал черную простыню неба. Звезды словно потемнели: их блеск поглощался матовой шероховатостью неба. Из комнаты голосом популярного в исчезающе малых ретроградных кругах поэта говорило радио, вопрошая о неоднозначности существования и сравнивая людей с растениями, расцветающими и увядающими. Последний день отпуска вырывался вон, а природа намеренно делала подлость, оставляя Авгия наедине с собой. Пустота звуков и мягкий ворс гамака создавали не оставляющий выбора контраст. Только сон или размышление могли спасти его от тщетности бытия в черноте ночи.

Завтрашний день стоял в планах буквой: Авгию предстояло документально подтвердить возросший годами авторитет. Первый паспорт всегда ощущается как новый сорт мороженого: обладание им бодрит человека и дарит ему импульс к переменам. Второй паспорт – не то. Он замораживает все, чего обладатель достиг к сорока годам, дает ему право вздохнуть, фиксируя на матовом куске бумаги навечно данный образ его лица.

«Почему ты отдыхаешь один?» – спрашивали его редкие товарищи. – «Что годного может быть в таком отпуске?». «Для открытия», – всегда отвечал он. «Ты еще не сделал открытие?» – говорили на работе, понемногу вынимая из него кусочки самоуверенности. «Каждый раз думаю, и каждый раз – не в ту сторону», – отвечал он. «Ты уже два года кандидат в высшие круги, и где твое открытие?» – молча высасывали из него признание проходящие мимо сотрудники. И действительно, у него не было оправдания.

Подступил сон. Из черноты неба глаза упали в пустоту самосозерцания. Ребенком он был беззаботнее. Подставлял волосы под гнущиеся лучи теплой конопатой звезды; прямо из кружки хлестал беспросветно белую жидкость, которую ныне найдешь разве что на этикетке сладкого батончика; сопротивлялся тенденциям наукообразной универсальности, предпочитая прозябать в непосредственности хилого ума. Он не мог посвящать себя делу – один рой намерений и нерегламентированных желаний мог жить в нем обособленно от второго и третьего. Впрочем, иногда они перемешивались, внезапно рождая химер, спонтанно захватывавших сознание на пару десятков человеко-секунд.

Авгия могли бы спросить, почему он отдыхает зимой, но никто не интересовался: конституция ясно определила, что каждый волен выбирать время года для отпуска. Но в одном он должен будет дать ответ, вернувшись с теплого побережья в прохладный сумрак повседневности. Ему предстоит свободный выбор, который дается раз в жизни всем обретающим второй паспорт. Он наконец-то установит периодичность будущего труда. Авгий в свое время долго размышлял над этим, и решил, что семь часов в день – самый верный вариант. Тридцать пять часов в неделю нравились ему меньше, потому что предполагали непрерывную интенсивность размышления в течение всей недели. Зная, что период работы еще не закончен, он не смог бы отдаться чему-то еще всей полнотой ума; видя превалирующую над ним величину периода, он стал бы думать еще медленнее, пытаясь ускорить конец трудового времени.

Сон перенес Авгия в светлое будущее, показав лоснящуюся безупречность высших кругов. Он привнес бы в эту стерильность щепотку молодой яркости, стал бы ближайшим посредником между двумя мирами. Авгий видел себя на годовом заседании, сидящего с притворно опущенной головой и слушающего доклад председателя об уникальном, давно зревшем открытии. Но прежде будут возвращение сквозь холод и победа над застывшей в напряжении реальностью.

3. Паспорт. Мороженое

Снег белыми водомерками таял на черной поверхности озера. Хилые тельца вновь и вновь исчезали в глубине, безмолвно умирая. Авгий шагал по извилистой набережной, направив все мысли на скорейшее достижение одной цели – здания Единого научно-исследовательского института. Там проходила его активная молодость, и там же будет укрепляться его зрелость. В тот день он не семенял, как обычно, мелочно бросая взгляд на отдельные кусочки тропы, а шел в размашистом стиле, словно статный представитель военного сословия. Издавка его бы не узнала даже мать – так ярко проявилась в нем радость ожидания. Переполненный чувствами, Авгий не мог вести себя как обычно, и каждое движение выдавало неординарность момента.

Новенький паспорт лежал в кармане. Он, словно второе сердце, неслышно отзывался в памяти. Все персонажи в очереди за паспортами отсвечивали праздничными костюмами. Мужчины рассеянно глядели на серебряную поверхность часов, неподвижно храня ноги в нетипичных лакированных туфлях, женщины коротко переговаривались, бросая взгляды на многочисленные кольца, брошки, браслеты, колье, рассыпанные по коридору в точном соответствии с пространственным распределением обладательниц. Из динамика сочилась выверенно-радостная музыка, зовущая в загадку будущего. Лирика момента дополнялась присутствием супружеской пары, мило облакачивающейся на казенный стол. Бюрократия эффективно трудилась.

В кабинет никто не заходил. Временами дверь на самую малость приоткрывалась, и из глубины комнаты возникала сухая от неуклонной заботы о посетителях рука; выхватив очередной талончик, она скрывалась за дубовой непроницаемостью двери, чтобы через несколько секунд так же безмолвно вручить готовый документ. Рука была молчалива и угрюма, потому что работала быстро, как заводная. К чему произносить какие-то слова? К чему поздравления и рукопожатия? Не за этим все пришли к кабинету.

Получив маленький круглый брелок – паспорт нового образца – Авгий приложил его к терминалу и бегло просмотрел информацию на экране. Судя по ней, он все так же проживал на улице Прогрессистов и носил старое имя. Но помолодел на тридцать лет. «Возможно ли, чтобы в отдельно взятом теле время так резко повернулось вспять?» – с тенью сомнения подумал он. Но факт был неоспорим, а уточнять что-то у иссохшей руки бюрократа, к тому же уже переключившейся на другого посетителя, он не решался. Авгий с усилием выдохнул спертый воздух, а через несколько секунд легкие наполнились прохладным туманом, потому что он вышел наружу.

– Сигами делимся, – уверенно заявил бледный от скуки попрошайка, без всякого усердия прикрывая рукой карман, набитый перекошенными сигаретами. Некоторые валялись прямо на асфальте, помутнев от тяжелой влажности воздуха. Авгий, эстетствуя, одарил попрошайку визиткой с осуждающей надписью: «курение вредит здоровью».

«Беднота еще живет на свете, а я что, с цифрой в паспорте не смогу смириться?» Мысль успокоила Авгия, и он с чувством жертвенной небрежности направился к озеру. Зима началась потихоньку. Редкие снежинки были трудноразличимы в легкой белой дымке над городом. Вдалеке, на изгибе водяной кромки, постепенно выростала тележка с мороженым, которую сторожила долговязая, беспомощно замерзающая фигура старого мороженщика в легком трикотажном облачении. В ассортименте не было согревающих напитков, ведь он продавал холод. Взгляд мороженщика не отрывался от кофейного автомата, напоминавшего ему с другой стороны улицы о существовании другого, более теплого мира. Тележка золотыми буквами сообщала всем, что старик был последним мороженщиком города. Представители профессий такого рода стали исчезать с улиц много лет назад. Серые, непременно серые машины заменяли

их к всеобщей выгоде под флагом роста производительности труда. Поэтому одинокий мороженщик – местная достопримечательность – был особенно замечен среди бледного ландшафта.

На фоне кофейного автомата мелькнуло яркое пятно: это девушка встала перед ним, чтобы поделиться хлебом с голубями. Она кидала кусочки пищи методично и ровно, будто выполняла ритуал, позволяющий увязнуть в состоянии медитации. Голуби под ее взором вели себя прилично, словно понимая, что хлеба еще много, и никто не останется голодным. Прогноз не оправдался. Хлеб быстро кончился, и девушка тотчас развернулась, оставив голубей драться за жалкие остатки. Она шла все так же однообразно и скучно, не обращая внимания на поднявшийся сзади шум, и лишь мечтательность в ее взгляде слегка окатила мороженщика.

Авгий вспомнил, что в детстве он любил это белое ледяное угощение. Удовольствие, ни с чем не сравнимое – есть мороженое в жаркий летний день. Оно мягко и ненавязчиво обволакивает рот (истинное наслаждение для рецепторов!), но быстро заканчивается. Все смотрят на того, кто ест медленно, с легкой завистью: скоро он будет единственным обладателем холодного лакомства. И с кем-нибудь великодушно поделится. Если захочет. Завидуют, завидуют, но не могут умерить пыл – терпения не хватает. «На всех последней порции, конечно, не хватит. Но, может быть, кусочек достанется именно мне?» Или вот – сам мороженщик. Не то что нынешний. Все сорта ведь пробовал: расскажет, опишет, порекомендует. И не просто подле тележки стоять будет, а с улыбкой и хитрецей в глазах. Мол, скажи-ка, как тебе новый сорт?

«Купить, что ли, мороженого?» – подумал Авгий, и испугался этой мысли. Давно она не приходила в голову. С тех пор, как колкие щетинки стали проглядывать на лице. Но все-таки подошел и спросил, смущаясь. Мороженщик впал в ступор.

– Одну порцию «снежной пирамидки», пожалуйста, – повторил Авгий.

– Гм... – мороженщик потупился. – Нет в наличии, молодой человек.

– Что же есть? Расскажите, – попросил Авгий, разглядывая табличку с названиями сортов и красивыми картинками.

Оказалось, что тележка пуста. За последние годы не было продано ни одной порции. А мороженщик остался – как символ нелепой ретроградной жизни. Живой памятник.

Авгий искренне извинился и двинулся дальше с растерянной усмешкой. Как только ему могла прийти в голову такая глупая мысль? Ведь сейчас его должно волновать лишь одно – Единый научно-исследовательский институт.

4. Аристарх Авалонович. Оформление

Начальник Авгия, сухой в обращении старичок Аристарх Авалонович, сторбился над бумагами, как тощая, переломленная пополам спичка с аккуратно собранной в серый шарик головкой. Он перебирал бумаги мелочно, без энтузиазма, и даже с небольшими признаками неудовольствия на лице: когда в кабинете никого не было, он позволял себе слегка расслабиться, отбрасывая начальственную уверенность и одухотворенность; но если бы кто вдруг вошел в комнату, он увидел бы самого обыкновенного Аристарха Авалоновича – самодостаточного статного старца с гордым взглядом и твердой рукой, не терпящей будничной суеты. Непременная аналитическая передача по радио органично дополняла бы эту картину. Впрочем, он слушал радио и теперь. Вот только умный, идеологически точный монолог о конформизме резко контрастировал с его обыденными, скучными движениями.

«Конформизм – бездумное ли соглашательство, как принято было считать всегда? Иными словами, действие безвольное или волевое? Результат примитивной социальной адаптации или свободное, осознанное решение? Начнем с того, что недовольные были всегда. И каждый раз их клокочущее и, как казалось, справедливое в чем-то чувство обращалось пшиком. Недовольные не искоренили проблемы и не достигли всеобщего довольства. Их потомки продолжали называть тех, кто приветствовал результаты перемен, жалкими соглашателями».

Дверь распахнулась, и кабинет наполнился запахом духов – как всегда, французских выдержанных, каких больше не делают. Альбиночка принесла настойку. Рюмка прыгала на подносе, не жалея старого витиеватого узора, происхождение и значение которого все забыли. Альбиночка улыбалась: она не просто несла рюмку, она дарила заботу о здоровье дорогого начальника. Поставив настойку на письменный стол, прямо посреди бумаг, она молча, как бы таясь, вышла из комнаты, всецело счастливая. Радио продолжало говорить. Аристарх Авалонович продолжал перебирать документы нетерпеливыми пальцами, время от времени всматриваясь в мутную вязь настойки.

«...Но развитие человека шло, и общество тоже не стояло на месте. А конформизм стал свидетельством успеха человеческого сознания и общественного строительства. Ведь это явление отнюдь не постыдное, если оно идет от сердца, а не от дрожащих коленок. Старый человек не боялся признавать ошибок; современный человек не боится чествовать успехи».

Аристарх Авалонович убавил громкость и подошел к окну. В руках у него слегка плескалась темно-белая настойка. Сейчас он выпьет ее залпом, глядя на памятник аисту, развернется в поборота, как бы подчеркивая строгость распорядка дня, и отправится в столовую... Но ничтожное пятнышко за окном, одетое в блестящий неоклассический костюм, прервало предопределенность событий: Авгий с достоинством, полным надежды, скользил к проходной. Это был особый случай – новый паспорт, новый статус. Аристарх Авалонович не мог теперь идти в столовую, не дождавшись счастливирика. Настойка снова очутилась на столе. «Чертов конформист», – пробормотал Аристарх Авалонович, имея в виду то ли себя, то ли Авгия. И, сев в кресло, снова превратился в статного старца.

Авгий не замедлил появиться. Искорки достоинства явственно горели в уголках его глаз, а движения выказывали чуть меньше покорности, чем обычно – впрочем, ровно настолько, насколько позволялось.

– Авгий Бориславович, присаживайтесь, – приветственно воскликнул начальник. По этикету ему полагалось первым оказать почтение в такой ситуации.

– Благодарю, – сухо ответил Авгий, чтобы не расплескать превосходство.

– Будьте добры, Ваш паспорт. Я должен оформить новые документы. И, конечно же, мои искренние поздравления!

Авгий протянул старцу паспорт-брелок. Нервы дрожали от необычности ситуации, но руки оставались спокойными. Аристарх Авалонович лениво взял брелок пальцем и приложил его к портативному терминалу. На мгновение все застыло. Ноздри начальника вдруг расширились, чтобы хоть немного охладить мозг, пытающийся осознать увиденное. Аристарх Авалонович отвел взгляд в сторону, а затем снова посмотрел на терминал. Нет, не показалось. Авгию действительно пятнадцать лет.

– Посиди тут, – строго буркнул Аристарх Авалонович, срываясь с места. – И ничего не трогай!

Авгий остался один. Поведение начальника казалось ему очень странным. Разве он, Авгий, когда-нибудь был уличен в интересе к чужим вещам? Нет. Но тогда откуда такой резкий пассаж Аристарха Авалоновича? Ответ не приходил, и Авгий, отстранившись от неприятных мыслей, стал разглядывать комнату начальника.

Книги. Во все стороны расстилалась многоцветная вереница книг из архивов, под которыми были подписаны фамилии авторов. Вавилов, Кейнс, Ландау, Хокинг, Гейм... Представители разных наук прошлых столетий. И почему раньше никто не догадывался объединить все дисциплины под единым крылом? Неужели не видели, что это открыло бы новую эпоху эффективности? Теперь каждый сотрудник института может ознакомиться с любыми трудами на рабочем месте, в электронном и даже бумажном виде. А специально обученные консультанты, если нужно, расскажут ему об основах интересующей науки.

Авгий подошел к дальнему шкафу, чтобы посмотреть, какие авторы расположились там. На подписях красовались сплошь незнакомые фамилии. Вот, например, некие А. и Б. Стругацкие. Научная работа в соавторстве? Да не было вроде ученых с такой фамилией... Авгий не смог справиться с любопытством и открыл книгу на случайной странице.

«Все прочее – это только строительные леса у стен храма, говорил он. Все лучшее, что придумало человечество за сто тысяч лет, все главное, что оно поняло и до чего додумалось, идет на этот храм. Через тысячелетия своей истории, воюя, голодая, впадая в рабство и восставая, жря и совокупляясь, несет человечество, само об этом не подозревая, этот храм на мутном гребне своей волны. Случается, оно вдруг замечает на себе этот храм, спохватывается и тогда либо принимается разносить этот храм по кирпичикам, либо судорожно поклоняться ему, либо строить другой храм, по соседству и в поношение, но никогда оно толком не понимает, с чем имеет дело, и, отчаявшись как-то применить храм тем или иным манером, очень скоро отвлекается на свои, так называемые насущные нужды: начинает что-нибудь уже тридцать три раза деленное делить заново, кого-нибудь распинать, кого-нибудь превозносить – а храм знай себе все растет и растет из века в век, из тысячелетия в тысячелетие...».

За дверью всколыхнулся какой-то звук. Авгий еле успел поставить книгу на место. Но стул, на котором он сидел, остался в другом углу комнаты... Пришлось изобразить интерес к невзрачной скульптуре аиста – жалкой копии памятника под окном. Аристарх Авалонович вернулся, но не один. С ним пришел директор Антуан Афанасьевич. Неужели высшие круги сами явились, чтобы восхитить его на сотый этаж? Резкий голос директора прервал мечтания и убил все надежды.

– Как этот молодой человек вообще прошел сюда?! – загремел Антуан Афанасьевич. – Что за халатность? Охрана разве не должна проверять паспорта еще на входе?

– Да, да, никуда не годится, – согласно кивал Аристарх Авалонович, с выражением вселенской скорби по поводу испорченного обеда.

– И зачем Вы меня только позвали? Я удивляюсь Вам. Вы знаете, что нужно делать! – директор озверело посмотрел на Авгия и вышел из кабинета.

Аристарх Авалонович сидел с понурым лицом. Авгий усердно работал в институте уже более двадцати лет, но что это меняло? Кто из коллег согласится поручиться за него, выступив

против документа? И что он мог сказать Авгию? Да ничего... Он просто хмуро указал ему на дверь, нетерпеливо поглядывая на мутную настойку.

5. Бабочка. В баре

Снег не шел. Тощая фигура Авгия не по-детски медленно брела по направлению к озеру. И если бы поверхность водоема не была покрыта льдом, Авгий мог бы видеть себя в отражении – осунувшегося и постаревшего. Некрасивые узкие брови черной полоской выделялись бы на фоне светлой воды, а бледные, как песочный торт, губы растворялись бы в ней без остатка. Авгий склонился у самой кромки озера, рассматривая безжизненную бабочку с пепельно-серыми крыльями. Ему вспомнился давний диалог с подругой детства Амалией.

– А кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросила тогда она.

– Ученым или хотя бы пожарником, – ответил маленький Авгий. – Знаешь, у них такие штуки... Брандес... Брандесбойлеры!

– А я хочу стать бабочкой, – неожиданно заявила Амалия. – Летать среди цветов и показывать всем свои красивые крылышки.

Кажется, Авгий тогда только прыснул со смеха. Однако теперь ему пришла в голову мрачная мысль: а вдруг это она, Амалия? Он попытался отогнать эту странную мысль, но бледная, потухшая бабочка, слегка припорошенная снегом, никак не выходила у него из головы. Смешное детское желание Амалии – стать бабочкой – с каждой минутой навевало все более и более мрачные, совершенно невероятные мысли. А вдруг однажды, как бы в шутку загадав желание под падающей звездой, она легла спать в свою молочно-белую постель в последний раз? Свежая подушка, наверное, так явственно касалась ее щеки, что она должна была запомнить это ощущение. И не потому, что оно было непривычным или странным. Как раз наоборот – мягкое касание кипельно-белой подушки, возможно, стало для нее последним напоминанием о том, что она когда-то была человеком. А наутро, по пробуждении, все чувства вдруг переменялись, и перед Амалией предстал совсем другой мир. Выпорхнув в форточку, она устремилась к озеру: ей хотелось лишь взглянуть на него по-новому, проникнуться этим ощущением, а потом вернуться под защиту домашних стен. Ведь озеро, казалось, было рядом. По человеческим меркам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.